

РАЗНЫЕ ЛЮДИ

Многие старики Васю Бешеного помнят. Юрия Николаевича, первого секретаря обкома, плохо помнят. Сергея Васильевича, второго секретаря, вообще не помнят и не понимают даже, о ком я говорю! А вот Васю Бешеного, обкомовского водителя персонального, вспоминают — легендарный был человек. Мало того что он на «Волге» своей с номером 0002, чёрной, отполированной так умел дрифтовать, такие фигуры выделял на показ, что и современные пацаны, повернутые на этой теме, могли бы позавидовать. Все гаишники его просто боялись и, когда он появлялся на трассе, старались отворачиваться от дороги, делая вид, что это они по нужде тут стоят.

А ещё Вася был «повёрнут» на картах: в буру, в петушка, в свару, в очко он любил, и его знали и все игровые, и все блатные. Казино тогда не было ни официальных, ни подпольных, а вот домашние катраны процветали, и везде Васю Бешеного знали и принимали. И не жульничал он никогда, и удачливым картёжником особо-то не был — так, средненько играл, по маленькой, но мужик он был правильный и справедливый, а кроме того ещё и весёлый. Но это я так, только для полноты картины, потому что карты никакого отношения к моей истории не имеют; про карты я как-нибудь в другой раз...

Фамилия у Васи была простая и русская — Власов. А вот то, что родом был он из деревни Ляпна Гагинского района, меняло всё дело: оттуда же, из Гагинского района и чуть ли не из этой же деревни, был родом и знаменитый на весь мир генерал-предатель Власов. Мне вот кажется, что все Власовы давно уже должны были уехать из этого Гагинского района, а вот и нет — остались. Правда, и люди с фамилией Гитлер живут ещё кое-где, и ничего!

Вася мужик был рослый, красивый, статный, физически сильный и женщинам нравился он чрезвычайно. Так ещё и миролюбивый он какой-то был и необидчивый, а вот кличка такая странная, Бешеный, к нему прилипла. А все вот такие крепкие, здоровенные, деревенские мужики необидчивыми и добродушными вырастают — кто их таких обижать-то будет. Потому что они никого не обижают. Редко кого!

Жил бы да жил этот Вася Власов у себя в деревне, работал бы в МТС или пахал бы на тракторе, ходил бы по девкам неохваченным, так нет же — судьба распорядилась иначе. На этот раз судьба проявилась на его пути в лице Наташи Рукавишниковой, интересной молодой медички, по распределению после окончания института попавшей в Гагинскую районную больницу.

Наташа эта была штучкой непростой. Папа её был директором большого настоящего авиационного завода, правда, умер он рано, Наташа ещё в школе училась. И мама её на вполне серьёзной должности трудилась: была она начальником конструкторского

бюро одного из НИИ. Только не получилось у девочки после окончания института в городе удержаться — услали по распределению в далёкий райцентр.

Не знаю: скучно ли ей там, в районе, стало или гормоны своего потребовали, а только очень быстро она освоила в личную собственность эту местную не оприходованную пока что никем мужскую достопримечательность в виде Васи Власова и повезла его на смотрины домой в город, к маме.

Мама Наташина Вера Александровна пока что одна куковала в своей трёхкомнатной сталинской квартире в центре города, и места там хватало на всех. Смотрины проводились в закрытом режиме: сидели в гостиной втроём за столом с чаем, тортом и шампанским. Вася за Верой Александровной ухаживал так же активно, как и за любой другой встречавшейся на его пути дамой — галантно, настойчиво и грубо одновременно. И шутки его были такие же. Знаете, что такое застольный алкогольный юмор? Это звучит примерно так: а не подлить ли вам лимонадику из кобыльего задика? Эта фраза — один из Васиных шедевров.

Когда Вася вышел покурить на балкон, мама, выпучив глаза, перегнувшись через стол с ужасом прошептала:

— Наташенька, милая, что же ты делаешь? Вы же разные люди! Этот Василий вообще из какой-то другой формации! Опомнись. Куда ты рвёшься?

— Мама, считай, что это любовь. Что же делать? Да, у него даже аттестата об окончании средней школы нет, но мы всё это исправим. Главное, что мы любим друг друга.

— Это, Наташенька, я поняла, и это самое страшное и печальное, что случается изредка в жизни, — когда разные люди вдруг полюбят друг друга.

Свадьбу сыграли быстро. Там, на празднике, подошёл к Наташе Иван Иванович, старинный друг Наташиного папы (она его припомнила смутно), он был заведующим обкомовским гаражом и мог порешать многие вопросы, как любят теперь говорить.

— Наташа, через неделю тебя переводом берут на работу в третью больницу — обкомовскую ты знаешь где, — вопрос уже решён, а Василия, я с ним тоже переговорил, я беру к себе в гараж. Он мне понравился.

Вот так всё очень быстро и удачно образовалось к радости и удовольствию всех участников моего повествования.

Только очень быстро участники поняли, как права была Вера Александровна. Ни на органнный концерт Наташа не могла пойти теперь одна или с подружками, зная, что Василий откажется, а оставлять его одного ей не хотелось. И на открытие ежегодной выставки «Большая Волга», где обязательно присутствовали все её друзья-художники, она не попала. Правда, этот мёртвый сезон тянулся недолго: Вася освоился с тёмным строгим костюмом, ежедневной свежей белой рубашкой, чёрными полуботинками. К выпивке он относился с пренебрежением, как к мальчишеской недостойной забаве, курил раз в месяц за компанию с мужиками, а вот в карты — любую свободную минутку теперь он отдавал картам. И была в этом взаимная несправедливость, потому что Наташу он с собой на эти полуночные игрища не брал.

Вот что ещё я позабыл — дома он стал теперь ходить в китайском халате с драконом. А тёща Вера Александровна стала звать его не иначе, как товарищ Власов.

Надо сказать, что у Васи обломился в этой новой его семейной городской жизни ещё один, и при том самый важный стимул существования: женский пол. В обкомовский гараж брали на работу лишь после таких проверок и такими серьёзными органами, что про жизнь Васину там было известно всё с момента его зачатия. Ребята из соответствующей конторы, деятельности которой в те времена все очень побаивались, его строго-настрого предупредили и погрозили пальчиком, чтобы ни о каких посторонних бабах он теперь больше не мечтал!

Вася как-то не придал значения в тот момент этим словам. Да и в дальнейшем он больше всё при начальнике своём Сергее Васильевиче старался находиться. Дома почти не появлялся: в обкомовской закрытой столовой кормили так, как дома накрывали только в праздники. К тому же и цены в этой столовой были какие-то смешные.

У женщин диапазон домашних занятий и забот куда шире мужского. Для начала Наташа определила своего Васю в вечернюю школу, куда он так ни разу за всю свою жизнь и не сходил, он даже, по-моему, так и не узнал, где она, эта его вечерняя школа, которую он окончил. Точнее — окончила ту школу его Наташа. Она сначала записала своего Васю в девятый класс. А потом на тоненьких тетрадочках всю зиму писала какие-то контрольные, отчёты, доклады, относила их в школу, а к лету Вася получил полноценный аттестат зрелости.

А потом как-то быстро всё завертелось. Через год у Наташи и Васи сынишка Коля родился. А ещё через два года Вера Александровна на пенсию вышла, да только что-то очень скоро, только-только начала она осваивать приятную бабушкину специальность, только внука в школу повела в первый класс, и вдруг приказала всем долго жить.

Уже в день смерти мамы, сквозь ещё невыплаканные слёзы, Наташа поняла, что остаётся одна: что Коля ещё маленький, а Вася для неё чужой человек, совершенно чужой, а не просто другой, как его, чтобы не очень обидеть, характеризовала часто Вера Александровна. Решение Наташа приняла уже в день смерти мамы. Хотя все заботы по похоронам взял на себя Вася: быстро, легко, незаметно, по-хозяйски, по-мужски были они организованы.

Хоронили Веру Александровну в ту же ограду, где и папа Наташин лежал.

Народа на похоронах было мало. У свежего глиняного холмика с кое-как, криво поставленным крестом остались вдвоём.

— Ну, вот и всё, — сказал зачем-то Вася, — вот и нас с тобой когда-нибудь так же рядом положат и закопают.

— Нет, Вася, — полушёпотом ответила Наташа, — нас рядом не положат. Мы с тобой очень разные, и завтра я подаю на развод...

2.

Да только уж больно часто благие пожелания и намерения остаются невыполненными: иногда из-за неуверенности, иногда из-за страха перед неизвестным будущим, а чаще всего из-за лени. И покатилась жизнь моих героев по ржавым стальным накатанным столетиями рельсам, и докатилась бы куда следует. Только его величество случай подстерегает нас всех.

Как-то раз ранним утром, в ясный летний выходной день, пока шеф был в краткой командировке, помыв машину на специальной круглосуточной мойке, обслуживающей кремлёвский гараж, Вася выехал на трассу, ещё не решив, куда направиться. Рассматривались два варианта: то ли в аэропорт, чтобы подкалымить, то ли в загородный спортивно-оздоровительный лагерь, провести сына, который уже в десять лет подавал приличные надежды и показывал хорошие результаты в лёгкой атлетике.

И вот, пока стоял он в раздумье на площади Свободы, к нему подошёл и наклонился к открытому окошечку лохматый и сгорбленный старичок. Приглядевшись, Вася понял, что старичок был вовсе не горбатый, а скорее очень даже крепкий, просто из-за роста своего немного сутулый, и одет он был довольно прилично и чисто, просто чуть небрежно, и небрежность эту Вася принял попервоначалу за неряшливость. Старичок обратился к Васе:

- Молодой человек, а вас не затруднит подвезти меня тут недалеко? Я вам заплачу.
- А куда ехать-то?
- На Гагарина.

И что-то тут переключилось в голове у Васи. Послышалось ему что ли? А слышалось ему что-то про родное его Гагино. И с чего бы это? Старичок вроде не шамкал ртом беззубым, а говорил чётко и с расстановкой, правда, чуть заикаясь. И глаза у него были вовсе не стариковские, а вдумчивые и пронзительные, но с грустинкой. И сказал-то он всего три фразы внятных и доходчивых, а вот Вася всё как-то не так понял. И откуда ему слышалось это его родное Гагино? Видимо, скучал он изредка по родным местам!

— Садись, поехали, — скомандовал Вася. Он со всеми на улицах на «ты» был. Он же был Вася Бешеный.

Так и рванули они на проспект Гагарина. Вася по пути пытался разговорить старичка-попутчика, да только тот что-то не повёлся: всё больше молчал. Проронил только раз:

— В ссылке я у вас тут в Горьком.

— Как в ссылке? На химии, что ли? Ты отсидел, что ли, и тут у нас теперь кукуешь? А где сидел-то?

— Сидел-то я где? Сидел-то я в Сарове. Арзамас-16 — знаете такое место?

— А как же, — ответил уверенно Вася, хотя и не очень хорошо понял, о чём речь..

Больше ни о чем они так и не поговорили, а могли бы и об умном о чём-нибудь.

Около большого многоквартирного дома на проспекте Гагарина старичок попросил остановить и полез искать кошелёк или бумажник, бубня себе что-то под нос про то, что бумажник-то он и позабыл. Вася уже начал волноваться — он не любил таких проблемных клиентов, забывающих кошельки, разбирайся с ними потом! А старичок как бы услышал тут Васю: он достал из внутреннего кармана своего чуть помятого полотняного пиджака, а скорее даже курточки такой, новенькую цельную пачку пятирублёвок в банковской упаковке, надорвал её и, достав одну купюру из пачки, протянул её Васе.

— Недурно с тобой на зоне-то рассчитались после срока, прилично, — сказал, скрывая удивление, Вася и подхватывая деньги чуть не на лету.

— Да, да — это моя зарплата, — сказал странный пассажир, — и ещё раз благодарствую вас.

На том и расстались.

Дома Вася рассказал про чудного старичка своей Наташе, столкнувшись на кухне — та только плечами пожала. Они продолжали вместе жить, в одной квартире, только в разных концах, безвредно и безобидно, и даже не каждый день сталкиваясь.

Хотя как знать насчёт безвредности: появилась к тому времени у Васи на работе зазноба сердечная: буфетчица обкомовская Зина, женщина ну очень интересная, кровь с молоком, лет тридцати, тоже откуда-то из области её кто-то из родственников начальственных перетащил, то ли из Сергача, то ли из Княгинина. И перехлестнулись тут родственные души буфетчицы и водилы. Только, поднабравшись кремлёвского жизненного опыта и проанализировав прецеденты, знали уже и Вася, и Зина, что за аморалки с этих мест сладких вылетают работнички как пробки. И очень осторожными были они в своём интимае.

Два раза в неделю, как по расписанию, встречались они теперь на квартире у Зины. И вот в тот же день, в день встречи со старичком необычным, Вася рассказал об этом знакомстве неожиданном своей сладкой подружке. Он по-прежнему считал, что старик тот был каким-то жуликом авторитетным, деловыми в те годы их звали. Но Зина

только руками взмахнула. Бывают же у недалёких женщин очень даже далёкие и ясные предчувствия:

— Васечка, милый, ой нехорошая эта встреча была у тебя. Ты уж некому про неё не говори.

— Да что ты, Зинуля, — отвечал ей Вася, — чай не глупее уж я вина-то. Только не пойму я, что в этом нехорошего: мы же с ним такие разные, если он из деловых — дружить я с ним не собираюсь.

А уже на следующий день Олег Иванович из спецотдела очень вежливо попросил Васю зайти с ним в кабинет специальный и поговорить. Кабинетом у Олега Ивановича оказалась подсобная комната уборщицы в полуподвале обкомовского корпуса, в которой кроме вёдер и тряпок стоял ещё стол и два стула.

— Василий Иванович, — обратился к Васе Олег Иванович, — расскажите, о чем вы вчера разговаривали с Андреем Дмитриевичем?

— С каким Андреем Дмитриевичем, — удивлённо спросил Вася.

— С Сахаровым Андреем Дмитриевичем, с академиком. Которого вы вчера на машине катали.

— А я и не знал, что он академик какой-то. Я подумал, что это уголовник какой-то после тюрьмы домой вернулся.

— Уголовник, говоришь? Да, тюрьма по нему плачет. Законопатить бы его лет на пятнадцать в мордовский лагерь какой-нибудь — неплохо было бы. Да только вони от того будет на всю страну, а может, и на весь мир.

— А что за вонь-то?

— А то, что попутчик твой вчерашний — академик Сахаров, носитель государственных секретов, а в нашем городе он в ссылке. Он — отец, в смысле, создатель нашей советской атомной бомбы. Не верю я тебе, что ты не понимаешь, кого ты вчера катал. Зря ты так, Василий Иванович! Я мог ещё тебе в чем-то помочь, если бы ты хотел того, а в таком глупом разрезе со мной общаться не надо. Ты понимаешь, что теперь у нас проходишь как связь этого академика Сахарова, который под особым наблюдением находится, в разработке, можно сказать?

— Нет, не понимаю. А в чём ты хотел мне помочь-то, Олег Иванович? Может, я смогу тоже тебе в чем-то помочь?

— Нет, Вася, ты мне просто не хочешь помочь.

На следующий день Вася написал заявление по собственному желанию, не дожидаясь возвращения своего шефа из командировки. Он сам не очень хорошо понял, почему ему пришлось это сделать: приказали написать — написал. Правды ради надо сказать, что Иван Иванович не бросил своего протеже — пристроил он Васю на новое тёпленькое место, к другому большому начальнику и снова персональным водителем.

3.

Так и жили они год за годом в одной квартире: в одной комнате Василий, в другой Наташа, а посередине сынишка их общий бегал; и не разведённые, и семьи нет. Редко когда разговаривали друг с другом: раз в неделю парой слов перекинутся. Когда Василий пытался какие-то мосты навести, Наташа у него обязательно про Зину его спросит, про здоровье её. А когда Наташа ему что-то дельное предложит, например, рамы старые оконные поменять, он обязательно спросит про мнение тёщи, не перевернётся ли та в гробу-то.

Василий уже не одно место работы поменял: и водителем в пароходстве служил, начальство какое-то возил, и механиком в таксопарке.

Коля, сынишка ихний, и школу окончить успел, и военное училище. Направили Колю служить далеко — в Забайкальский военный округ. Наташа уж и плакала, и рыдала, и в истерике валялась — так не хотелось ей расставаться с кровинушкой своей единственной. А тот через год уже старшим лейтенантом вернулся в отпуск к матери, да ещё и с медалью на груди, а ещё и с невестой. Маленькая такая невеста у него оказалась, на китайнку похожая, но не китайнка — бурятка тамошняя. Сказала, что Таней зовут. Улыбчивая, смешливая, волосы красивые, чёрные, но уж больно ноги кривые.

За столом вчетвером сидели, как семья путная: и водки выпили, и шампанского.

— Вот, — сказал Василий, обращаясь к Наташе, — тещенька-то, мама твоя, Вера Александровна про нас с тобой говорила, что мы разные! А вот они не разные, посмотри?

— Она говорила — не разные, а другие!

— Не-ет: другие, это она про других говорила. А про нас с тобой, что мы — разные! Думаешь, я не понимал, что она имеет в виду? И про других я тоже хорошо понимал.

Зарегистрировались молодые в городском загсе и — назад, в своё Забайкалье. Расставаясь, Наташа строго-настрого приказала Тане:

— Рожать сюда, ко мне приедешь! Поняла?

— Поняла, — кивнула та в ответ.

Кто большую, в смысле длинную, жизнь прожил, тот знает, как тяжёлым катком может она пройтись вдруг и раздавить какую-нибудь семью целиком и полностью. Так и в моей истории получилось.

Через год Таня приехала к Наташе, как та и наказывала. Девочка родилась совсем не бурятского склада, а вполне русского, и назвали её Верой. И вот, пока девочку пеленали да облизывали, да сюсюкали над ней, беда случилась: погиб Коля, сгорел на учениях; там, в Сибири это случилось. Получили Наташа с Верой из далёкого неведомого края цинковый гроб запечатанный да грамоту с медалью военком из военкомата принёс. Хоронили с оркестром, с автоматными залпами, с воинскими почестями.

Только не осилила Наташа горя своего: через год ушла вслед за сыном своим, позвал он её. Рак теперь очень помолодел да ещё и скоротечным стал. И что тут случилось с Василием: поднял он все свои прошлые обкомовские знакомства и связи, чтобы добиться разрешения и похоронить Наташу на старом городском Красном кладбище, где, кроме почётных да заслуженных людей города, никого уже не хоронили. Добился! И участок выделили такой, чтобы и его самого можно было потом туда положить. Через год и ограду кованую поставил он своей законной, и памятник из белого мрамора заказал с портретом — безумные какие-то деньги заплатил. А крест деревянный первоначальный рядом тоже оставил. Заботы эти по похоронам да надгробьям сильно напрягали его. А когда все, что планировалось, было уже сделано, вдруг заметила Таня, что тесть её, которого она почему-то давно уже звала папой, очень постарел: голова седая, вся в белом пуху, с плешинами, и согнулся весь он как-то, и ногу приволакивает.

Ходил Вася на кладбище к Наташе своей теперь каждое воскресенье при любой погоде и чаще всего с внучкой Верой.

Дома за хозяйку была теперь у него Таня: она и готовила, и стирала, и убиралась, и по магазинам ходила. Такая странная неполная семья была: дед-пенсионер, сноха-бурятка и внучка Вера.

А потом и Вася ушёл. Положили его друзья обкомовские в ограду к его единственной и суженой. И никакие они теперь не разные!

КОМПЛЕКС НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

Почти все мои знакомые что-то слышали про Зигмунда Фрейда, того самого, что придумал и создал систему психоанализа. Кое-кто из моих знакомых пытался даже его книги читать, наивно полагая, что «толкование сновидений» и понимание глубинного смысла «комплекса Эдипа» как-то помогут им разъяснить многие любопытные события, происходящие в окружающей их жизни, и понять их на бытовом уровне. Это, конечно, неправильно и наивно. Мне приходилось видеть, как уподобляясь цыганкам, вполне respectable и образованные дамы гадают по великой китайской книге перемен «И-цзин». Процессы сопоставимы.

Об это непонимание глубины современной науки споткнулся даже великий и, по моему, далеко не глупый Владимир Набоков, решивший с кондачка освоить теорию психоанализа, но, ничего не поняв в ней, в результате обозвал неприлично её гениального создателя. Ещё бы этот Набоков между делом попытался освоить специальную теорию относительности Эйнштейна!

Проще скажу: вся теория Фрейда — вспомогательный инструмент врачей-психиатров, а эти специалисты блуждают в таких медицинских дебрях, в которые не забираются ни терапевты, ни стоматологи, ни проктологи! Когда я попытался сформулировать пару своих вопросов, касающихся этого самого психоанализа и задать их своему доброму приятелю, профессору медицины, он меня уже на подходе перебил словами: «Не мучайся: это всё — комплекс неполноценности!» Я даже в первый момент не понял, к чему это замечание относится: к психоанализу или к моим вопросам, но уточнять не стал.

Понятно, что мне от этого объяснения легче не стало — теперь мне предстояло выяснить, что такое «комплекс неполноценности» в полном его объёме, и каковы могут быть последствия от его присутствия. Но эта проблема разрешилась сама и очень быстро. Буквально через день я встретил своих одноклассников Вовку Цыганова, а потом и Сашку Жолтовского, которых не видел почти тридцать лет. А тут — вдруг, да в один день, и с обоими пообщаться удалось: с Жолтовским в сквере на скамеечке по паре сигарет выкурили, а с Цыгановым уже вечером на каком-то конкурсе, а потом на банкете в ресторане за одним столиком оказались, и тоже — ушли курить вдвоём.

Вовка Цыган и Сашка Желток учились вместе со мной с первого класса. С первого класса они дружили, но на чём эта многолетняя дружба держалась, мне непонятно до сегодняшнего дня. Жили они далековато друг от друга: Цыган на Кадочке, это в Коммунальном посёлке, в самом бедном частом секторе, в бараке с земляными полами, за пять трамвайных остановок от нашей школы, а Желток в офицерских домах напротив Оперного театра.

Отец у Сашки был самым настоящим полковником: он всю войну прошёл и держал Сашку в ежовых рукавицах, как солдата-первогодка. Зато выглядел Сашка, когда шёл в школу, всегда «на ять»: галстук пионерский повязан так, что только на плакат советский фотографируй его, гимнастёрка школьная сзади из-под ремня двумя шлицами ровными торчит, ботинки обязательно свежей ваксой надраены — в общем, отличник рафинированный по всем статьям.

У Вовки отец тоже всю войну прошёл, только вернулся инвалидом контуженным, иногда его начинало подёргивать, да так, что страшно становилось — не помрёт ли тут же на месте. Работал он сапожником в артели, в мастерской на Республиканской. Своего Вовку он тоже любил и регулярно воспитывал, но по-своему — ремнём. У Вовки и форма всегда была мягая, и галстук он носил обычно в кармане, у портфеля ручка оборвана и висит портфель на верёвке бельевой через плечо; а ботинки он не чистил

никогда — может, только осенью водичкой из лужи pomoет маленько, и всё. Просто он к жизни своей относился без энтузиазма.

И, как я сейчас понял, тогда, в семь лет у них у обоих и сформировался этот комплекс неполноценности. Они сами и формировали его активно друг у друга, хотя и дружили очень крепко. Сидели они все годы за одной партой, за последней. И вопреки досужим домыслам, что за последней партой сидят двоечники и хулиганы, Сашка с Вовкой учились очень даже неплохо, оба. Они подсказывали друг другу, помогали, давали списывать и всё это как-то по-деловому, по-взрослому, обдуманно. Я это точно всё помню: а как же — я с ними десять лет каждый день по несколько часов бок о бок отирался. Так вот — комплекс неполноценности у них постоянно и усиленно формировался.

Вовка Цыганов всегда умел плевать тоненькой струйкой сквозь передние зубы, а у Сашки не получалось. Зато у Сашки в первом классе был игрушечный пистолет, который щёлкал бумажными пистонами, а вот у Вовки была отличная рогатка с красной резиной. Сашка несколько раз просил у отца, чтобы тот смастерил ему настоящую хорошую рогатку, из которой можно было бы пулями-чугунками стрелять по воробьям, а тот всё обещал да обещал, да забывал. Так и остался бы Сашка на всю жизнь без рогатки, если бы Вовка ему не подарил свою на день рождения.

Вот Сашка бы никогда в жизни не смог обозвать учительницу по физике в лицо дурой, а Вовка сумел, и ничего — учительница даже не обиделась и сделала вид, что не услышала. Так, в седьмом классе Вовка на городской олимпиаде стал победителем, хотя его от школы туда и не выдвигали. А, когда объявлены были результаты, и директор школы пришла в класс, чтобы поздравить Вовку, учительница по физике громко объявила: «Я просто не понимаю, как ты смог решить эту задачу?». На что Вовка, передразнивая тон учительницы, ответил: «Ну, и дура!». И ничего — проскочило! Проскочило, потому что было что-то взрослое в их полемике.

Помнится, в восьмом классе Сашка с Вовкой в тёмном школьном коридоре встретили старшую пионервожатую Сою Репу (фамилия у неё такая была), и Вовка, прижав её к стенке, шипящим шёпотом объявил ей: «Мы тебя изнасилуем!». На что пионервожатая Сося, поправив причёску, кокетливо объявила почему-то Желтку: «Саша, когда я надумаю, я сама вас с Вовой изнасилую. Только, подождите немного, подрастите, и я вам отдельно доложу о своей готовности!» И получилось всё это оскорбительно по-детски, будто эта Сося Репа с ними, как с детьми малыми разговаривала: и ни капли смущения, и ни чуточки кокетства. Сашке в тот момент стало и обидно и стыдно одновременно, а Вовке — хоть бы хны.

И так часто получалось. Так часто получается, когда друзья постоянно вместе, и их принимают часто уже за один субъект, а на поверку, когда распределяются успехи и потери, происходит путаница. Как-то раз, уже учась в девятом классе, друзья стали свидетелями, как в скверике на площади Свободы двое незнакомых мальчишек стали приставать к их однокласснице Лиде, которая куда-то торопилась. Друзья случайно оказались рядом и решили выручить одноклассницу. И у них всё получилось: Сашка Желток так яростно бросился на незнакомцев, что те не сумели дать никакого серьёзного отпора и, чуть-чуть помахавшись с друзьями, быстренько ретировались. Только на другой день Вовка пришёл в школу почему-то со сломанным носом, о чём говорили синяки вокруг глаз, так называемый «симптом очков», который свидетельствует о переломе костей основания черепа. В общем — у него был сломан нос, и все девчоночки симпатии и уважение за победу над чужаками выпали на долю Вовки. Сашке оставалось не то, чтобы гордиться за товарища, а просто глотая обиду, завидовать.

Я всё про комплекс неполноценности хочу поговорить: он возникает и успешно растёт у человека вот в таких случаях, когда ожидаемый и очевидный успех становится

вдруг недостижимым по самым объективным и просчитываемым причинам, но, тем не менее, человек стремится к преодолению этих естественных барьеров, и иногда это удаётся сделать. Поэтому друзья, ежедневно сталкиваясь с этой проблемой, все же пытались её решить. Они часто после уроков заходили домой к Саше, где бабушка кормила их супом и поила киселём или компотом. Кормила она ребят всегда в большой столовой комнате, за обеденным столом, покрытым скатертью. И когда Сашка говорил бабушке:

— Мы с Вовкой на кухне быстренько перекусим.

Бабушка отвечала:

— Сашенька, в добрые старые времена на кухне только извозчиков и трубочистов кормили. А ты, что же друга-то своего за извозчика принимаешь? Нет уж — давай собирай на стол, и я с вами чаю чашку выпью.

Даже такое замечание при определённой интонации, оставляло след в подкорке у обоих молодых людей, след, который со временем не затухивается, а наоборот — становится всё рельефнее.

Вы должны понять, как формировался комплекс у Вовки Цыганова. Если мыслительно-сообразительные способности у друзей были на сравнительно одном уровне, то бытовые условия их существования разительно отличались, и оба друга хорошо это понимали. Папа Сашки Жолтовского мог взять друзей вместе на рыбалку или покататься на лыжах, пока они были ещё не достаточно самостоятельными. В то же время дома Вовка от отца мог услышать, что всякий горшок должен знать свой шесток, или — не в свои сани не садись. Понятно, что поездка за грибами на полковничьей «Волге» всё равно становилась лёгким незаметным уколом для обоих друзей, именно — для обоих. Этот вроде бы естественный демократизм под определённым углом зрения превращался в барское покровительство, за которое когда-нибудь может быть выставлен счёт.

Старший Цыганов не одобрял этой дружбы, я знал это от Вовки. Совершенно естественным образом Вовкин отец считал, что конечный результат этой дружбы может быть очень печальным, даже, если не называть комплекс неполноценности его полным именем.

И вот, что я увидел через тридцать лет.

Шёл девяносто пятый год. Сашка Жолтовский сам меня окликнул, когда я проходил через скверик на Ковалихе, где он сидел и курил на скамеечке. Был похож он на серенького сморщенного старичка, и пиджак серенький, и рубашка синяя под самое горло на пуговицы застёгнутая, и лицо пепельное.

— Привет, старик! Не узнаешь? — бросил он мне негромко.

— Почему? Узнаю! Сашка Жолтовский. Ты же меня узнал...

Я уселся рядом с ним. Июнь, акации жёлтыми нищими цветочками цветут, воробьи чирикают, голуби под ногами гуляют, тепло. Мы закурили. Потом ещё по одной. Я недавно заметил за собой одну новую, недавно проявившуюся личную особенность или даже способность: научился я незаметно для себя раскрывать человека на разговорчивость. Так получилось и с Сашкой.

Окончил он после школы военное училище, отличился в Афганистане, вернулся подполковником, героем, женат уже был, двое мальчишек, квартира хорошая в Ростове. И вот — в пьяной драке убил человека, младшего офицера, трибунал, лишение звания, наград, отсидел пять лет. Жена с сыновьями куда-то уехала и велела её не искать. После лагеря вернулся в родной город, к родителям. Женился, а через полгода снова пьяная драка и снова три года тюрьмы. Во время этой второй отсидки и папа, и мама умерли.

— А сейчас я уже в третий раз откинулся, и чего делать, и куда пойти — не знаю. Живу по-прежнему в родительской квартире. Восемьдесят метров, четыре метра — потолки, стопроцентная сталинка, вся мебель ещё родительская, немецкая, трофейная, картины на стенах, две комнаты Нинкины, жены моей, с которой мы тоже уже в законном разводе, хотя спим иногда вместе, она не отказывает, а две комнаты мои.

— У тебя же друг верный был Вовка Цыганов, он сейчас в администрации большой начальник, не помню, правда, кем он там, но я бы на твоём месте к нему прямым ходом.

— Ну, во-первых, не желаю я тебе оказаться когда-нибудь на моём месте. Вторых, Цыган заправляет сейчас всем коммунальным хозяйством города, это — хороший, настоящий денежный поток. Сел на деньги, как они там, в администрации сами про себя говорят. А самое главное — больше всего боюсь я разочарования: придёшь, а он меня и не узнает! Точнее — узнает, но знать не захочет! А ведь наша детская дружба это такое святое чувство, такое тёплое, что его просто так растереть что-то не хочется. Ты сам-то врубаешься, что, как только он меня увидит, так сразу же поймёт, что зашёл к нему «пахан зоны». В бане, когда я раздеваюсь, тут же кто-нибудь и шайку хорошую подаст, и место центровое освободят. От меня на версту тюрьмой пахнет, и ты это понял, и что с этим делать — не знаю.

Попрощались, обещал я ему позвонить.

Цыганова, которого я не видел тоже, наверное, тридцать лет по мистическому закону парности встретил я тем же вечером: оказались мы волею судьбы в одном жюри какого-то подозрительного городского конкурса на самую красивую девушку города. Уж, не знаю, зачем меня пригласили в это жюри, и кто там победил, но девушки действительно были хороши — загляденье!

Оба мы удивились и обрадовались — пошли курить в вестибюль. Покурили, поделились добрыми и приятными школьными воспоминаниями, а потом я ему и говорю, что, мол, видел я только что друга твоего, и, рассказал про его непростую судьбу. Посмотрел на меня Цыганов очень серьёзно и как-то задумчиво, что ли:

— Я его найду! — заявил он с расстановкой, — ты не думай, найду. Я ведь ему, возможно, всей жизнью своей обязан. Знаешь — есть такой комплекс неполноценности? Ну, так вот!

